

dynamics of «foresight systems» / E. Amanatidou, K. Guy // Technological Forecasting and Social Change. – 2008. – №4. – P.539–557.

6. Georghiou L. The Handbook of Technology Foresight, Prime Series on Research and Innovation Policy / L. Georghiou – Cheltenham: Edward Elgar. – 2008. – 428 p.

7. Cuhls K. From Forecasting to Foresight Processes – New Participative Foresight Activities in Germany / K. Cuhls // Journal of Forecasting. – 2003. – №22. – P.93–111.

8. Martin B. Research Foresight and the exploitation of science base / B. Martin. – London: HSMO, 1993.

9. Schwarz J.-O. Assessing the future of futures studies in management / J.-O. Schwarz // Futures. – 2008. – Vol.40. – Iss.3. – P.237–246.

10. Van der Meulen B., de Wilt J., Rutten H. Developing futures for agriculture in the Netherlands: A systematic exploration of the strategic value of foresight / B. Van der Meulen, J. de Wilt, H. Rutten // Journal of Forecasting. – 2003. – №22. – P.219–233.

11. Wells H. G. The Discovery of the Future / H. G. Wells. – New York: B. W. Huebsch, 1913. – 61 p.

12. Международный научно-образовательный Форсайт-центр НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foresight.hse.ru/whatforesight>

13. Форсайт в Україні [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uiniei.kiev.ua/foresight/ua/foresight.php?id=1&id66932>

14. A Practical Guide to Regional Foresight / Published by the European Communities. FOREN. – 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foresight.jrc.ec.europa.eu/documents/eur20128en.pdf>

References

1. Buhteev N. N. Perspektivy primeneniya forsajtov v sovremennoj Rossii / N. N. Buhteev // Vestn. Gos. un-ta upr. – 2008. – №1. – S.88–95.

2. Denisov Ju. D. V Japonii smotrijat skvoz' «Del'fi» / Ju. D. Denisov // Forsajt. – 2007. – №1. – S.62–67.

3. Seregina S. F. Zakonomerno li pojavlenie forsajta? / S. F. Seregina, I. A. Baryshev // Forsajt. – 2008. – №2. – S.4–12.

4. Fedulova L. I. Forsajt: suchasna metodologija tehnologichnogo prognozuvannya / L. I. Fedulova // Ekonomika i prognozuvannya. – 2008. – №3. – S.106–120.

5. Amanatidou E., Guy K. Interpreting foresight process impact: Steps towards the development of a framework conceptualizing the dynamics of «foresight systems» / E. Amanatidou, K. Guy // Technological Forecasting and Social Change. – 2008. – №4. – P.539–557.

6. Georghiou L. The Handbook of Technology Foresight, Prime Series on Research and Innovation Policy / L. Georghiou – Cheltenham: Edward Elgar. – 2008. – 428 p.

7. Cuhls K. From Forecasting to Foresight Processes – New Participative Foresight Activities in Germany / K. Cuhls // Journal of Forecasting. – 2003. – №22. – P.93–111.

8. Martin B. Research Foresight and the exploitation of science base / B. Martin. – London: HSMO, 1993.

9. Schwarz J.-O. Assessing the future of futures studies in management / J.-O. Schwarz // Futures. – 2008. – Vol.40. – Iss.3. – P.237–246.

10. Van der Meulen B., de Wilt J., Rutten H. Developing futures for agriculture in the Netherlands: A systematic exploration of the strategic value of foresight / B. Van der Meulen, J. de Wilt, H. Rutten // Journal of Forecasting. – 2003. – №22. – P.219–233.

11. Wells H. G. The Discovery of the Future / H. G. Wells. – New York: B. W. Huebsch, 1913. – 61 p.

12. Mezhdunarodnyj nauchno-obrazovatel'nyj Forsajt-centr NIU VShJe [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://foresight.hse.ru/whatforesight>

13. Forsajt v Ukrai'ni [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.uiniei.kiev.ua/foresight/ua/foresight.php?id=1&id66932>

14. A Practical Guide to Regional Foresight / Published by the European Communities. FOREN. – 2001. [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://foresight.jrc.ec.europa.eu/documents/eur20128en.pdf>

Galushko O. S., PhD, Assistant Professor of philosophy of Kyiv National University of building and architecture (Ukraine, Kyiv), saiz131982@gmail.com

Analysis of foresight technologies as a way of social and cultural transformations

The article deals with foresight technologies and their influence on society. The aim of the research is to reveal the potential of foresight technologies as a way of social and cultural transformations, particularly in Ukraine.

The concept of «foresight» is studied. On the basis of the analysis of modern Ukrainian and foreign specialized literature on the topic, the author's definition of foresight is introduced.

The evolution of foresight technologies in the world and their praxeological potential for a knowledgeable society are examined. The prospect of applying foresight technologies for research, management and designing of the future is outlined.

It is concluded that main function of foresight is not just to predict the future – but to construct it. Such an active and effective foresight position makes it an extremely important mechanism of social and cultural transformations.

The generalization method, the contextual analysis of concepts, the principle of system analysis, and the method of comparative analysis are the methodological basis for the research.

Keywords: society, future, foresight, foresight technologies, forecasting, management, social and cultural transformations, image of the future.

* * *

УДК 69

Мамедзаде Ф. А.,

диссертант, научный работник отдела «Этики»,
Институт Философии НАНА (Азербайджан),
fakhriya.mamedzade@gmail.com

ЭТИКА В ПОИСКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕННОСТЕЙ, ТЕХНОЛОГИЙ И ЧЕЛОВЕКА

Автор рассматривает проблемы этики и как технологии меняют ценности и нравственность человека. Также в работе говорится о нравственном кризисе и в единственном выходе из этой ситуации – диалоге цивилизаций. Диалог и есть механизм, позволяющий найти меру сочетания между индивидом и обществом, соединяющий нравственность и знание.

Ключевые слова: этика, ценности, технологии, человек, диалог цивилизаций.

(статья друкється мовою оригіналу)

Мир постоянно меняется, а человек меняется, когда меняются его ценности. Ценности в современную эпоху стали меняться с большой скоростью. Ученые говорят, что мы живем в эпоху перемен. Это касается ценностей, так как в остальном природа живет по прежним своим законам. Иногда утверждают философы, что глобализация – это период стремительной смены парадигм и ценностей, но это не оправдывает безразличия к ним. Думать надо и тогда, когда живешь в эпоху переоценки ценностей. Конечно, ценности различных народов различаются. Но при своем различии ценностей и традиций, некогда существовавшие и ныне существующие культуры имеют несомненную общность. И это общность единство в наличии ценностей человеческой культуры.

Как правильно отмечал М. Мамардашвили, «человек – это длительное усилие». Человек не сводим только к своей актуальной данности, поскольку пребывает в непрерывном становлении, реализуя многообразие заложенных в нем потенциалов. Он всегда в пути, со всеми падениями и подъемами, ему сопутствующими. Он одновременно субъект и объект творческого усилия, ... принимая тысячи обличий, претерпевая бесконечную череду изменений, остается верен самому себе, в то же время постоянно от себя ускользя» [3, с. 251]. Именно таким образом происходит процесс цивилизации, «проходящий через целый ряд поколений и меняющий личностные структуры людей, не изменяя при этом их природу» [10, с. 41] – считал немецкий историк культуры Н. Элиас.

Общества стали массовыми и демократичными. Оказалось, что демократичность и разнообразие вполне могут привести к кризисам; у общества не оказывается дополнительных нравственных ресурсов, чтобы ограничить насилие; диалог все еще идеал, к которому стремится оно. Кто-то причины безнравственности видит в развитии технологии и техники, кто-то уверен, что дело в нравственном кризисе. Этот процесс отразился и на этике, исследующей проблемы морали и изменений нравственных ценностей. Она все более становится как бы вне нравственности, пытается анализировать, но не влиять на мораль. Этика всегда воспитывала людей, а теперь она становится подобной науке.

За последние десятилетия в быте людей произошли существенные изменения, он претерпел кардинальное обновление. Развитие интернета, социальных сетей меняет отношения сильнее, чем любые другие технологии и профессии. Интернет и сети – проблемы нравственности, которые надо осмыслить. Но уже сейчас предположим, что эти факторы нашей повседневной жизни не могли определенным образом не скорректировать наше сознание. Для одних эти проблемы лежат в сфере культуры, для других – в виртуальной реальности, но, на наш взгляд, в игнорировании законов нравственности.

Новые коммуникации, которые должны были способствовать общности между людьми, но на деле «возможная» общность предъявила претензии к тому, насколько человек способен жить в таких условиях.

Если технологии способны оказывать влияние даже на процессы, протекающие в микромире, то на человеческую жизнь они оказывают влияние тем, что предъявляют вызовы человеческому общежитию. Опыт прошлого может нам подсказать, как нравственность помогает осмыслить эти вызовы, но многое здесь требует переинтерпретации.

В усложняющемся мире нравственные ценности становятся все более не точными, мы в них сомневаемся. То, что казалось незбылемым, становится временным. В цивилизованных странах уменьшается экономическая зависимость членов семьи друг от друга, слабеет институт семьи и семейных отношений. И мужчины, и женщины в современном обществе выживают или могут выжить в одиночку. Как им сосуществовать вместе, воспитывать детей? Должны ли дети слушать своих родителей? С одной стороны человек переживает свое одиночество, с другой – оказывается под контролем со стороны общества, новых технологий, друзей и т.д.

Жизнь оказывается, одновременно, и простой, и сложной. Много развлечений, но никто не гарантирован от недопонимания другого. Слабеют связи родственные, а на смену им приходят временные союзы с людьми различных культур, говорящих на разных языках. Виртуальное пространство связывает с чужими, но разводит родных. Нравственные узы, которые ранее были такими прочными, теперь, кажутся изменчивыми. Этика, которая исследует эти проблемы, становится не способной предлагать рецепты для их решения. Тоже самое можно сказать и о философии. Их попытки сформулировать предложения оборачиваются критикой со стороны фундаментальных наук.

По-видимому, наш период относится к такому историческому периоду, который заставляет человека

думать над смыслом жизни и ответы на эти вопросы оказываются индивидуальными. Человек, формируемый современной цивилизацией, не способен коллективно обращаться к высшим уровням человеческого сознания. Он использует возможности интеллекта, но недооценивает его нравственные возможности. В этом состоянии человеческая цивилизация сформулировала два ответа: индивидуализм и коллективизм. Оба они верны и способны проложить путь к диалогу. А проблема в том, что крайние их варианты не способны достичь консенсуса. Их борьба друг с другом обречена на трагизм и трагедию для человечества. Многие ученые и философы считают, что правильным является один из вариантов. На деле же разнообразие ответов свидетельствует о том, что различие ответов, дискуссий и компромиссов необходимый атрибут человеческого общежития. Для этого нужны нравственные ценности, рациональность, признание ценностей иного выбора. Именно этого признания нет в плюральных демократических обществах. Это явление, провозглашенное «восстанием масс», описывал Ортега-и-Гассет: «Характерным для нынешнего момента является то, что посредственность имеет нахальство повсюду утверждать и всем навязывать свое право на посредственность. Как говорят американцы, неприлично отличаться от других. Масса сметает со своего пути все, что не похоже на нее, она вытаптывает всякую индивидуальность, убивает все благородное, избранное и выдающееся» [7, с. 47]. Понятно, что Ортега-и-Гассет изучал не только проблемы массовой, но и национальной культуры. По его мнению, национальная культура, любое единство есть динамичная система, а потому она вся не может сводиться к массовости. Но как он считает: «Любой природный феномен постижим, если мы нашли его динамичную формулу». Поэтому его оценки условны, но надо признать, что процесс им замечен [7, с. 11].

В результате происшедших изменений современная культура предстает уже не как система качественных отличий, а, как чисто количественный результат. Это, в свою очередь наводит на размышления: имеем ли мы здесь дело все еще с культурой? Надо признать, что культура есть феномен, который не устраивает ее часть – элиты. Это ее качество и обуславливает ее постоянное изменение и динамику. Однако массовость ее неизбежное качество в современных условиях.

Далее, овладев сверхсложными технологиями, научившись создавать образцы искусства, безупречные по технике исполнения, и в то же время низкопробные по своему качеству, современный человек активно декларирует свою приверженность, ценностям культуры, воспринимая при этом культуру не как качество жизни, а как количество предоставляемых ею к его услугам материальных и духовных благ.

Верная примета нашего времени – потребность в диалоге цивилизаций, культур, людей и т.д. На наш взгляд, ключевым понятием является цивилизация. Кроме того, актуализируется проблема диалога.

Понятно, что, когда исследование проблем диалога цивилизаций стало актуальным еще и потому, что речь идет о будущем. В чем же проявляется актуальность данной проблемы? Глобальный мир, вбирающий в себя все разнообразие общностей, оказывается весьма производным. Напротив, этот мир полон

несправедливости, конфликтов и угроз безопасности. В экономике преобладают стихийные силы, выносящие на глобальный уровень приоритет форм самого крайнего эгоизма. Они выступают как откровенный вызов той гуманизированной социальности, которую мир ждал от глобализации.

Более того, противоречия глобализующегося мира способствует постепенному размыванию устоев всех цивилизаций. Сегодня глобализацией не довольны и на Западе, и на Востоке. Массовое общество начинает преобладать над гражданским; рыночный беспредел и анархия – над либерализмом как свободой и полнотой прав личности; доминирование в системе международных отношений над международным правом.

Процессы глобализации вызывают нередко и реакции, выражающиеся в росте фундаментализма, использовании террора для достижения целей гегемонии. Это происходит, в частности, и потому, что идея диалога цивилизаций вызывает к себе недоверие, подпитанное противостоянием держав; навязыванием геополитических интересов одних другим; несправедливостью мирового рынка и т.д. Имеется в мире недооценка всего того, что относится к диалогу. Многие уверены в том, что он дает быстрый результат, уравнивает шансы и т.д. Но на деле диалог – это своеобразная дискуссия, конкуренция ценностей систем и формирование общих ценностей.

В ходе стремительно наступающей глобализации в исторический процесс все активнее вовлекаются и другие культурные миры. Если даже предположить, что закат западной культуры неминуем, то вовсе не исключено, что в будущем в мире будет складываться диалог культур как единство локальных многообразий. Заметно, что наряду с региональными традициями и моральями складывается культура мира, включающая в той иной степени элементы культур многих народов.

Диктат современных экономических ценностных отношений бесповоротно втягивают новые регионы мира в процесс индустриальных и постиндустриальных изменений. С новыми технологиями приходят и новые ценности. Моральные традиционные ценности переплетаются с новыми стилями жизни. И хотя перемены начались относительно недавно, они идут очень быстро. Не исключено, что в самое короткое время в результате «успешной интеграции» в наш «новый прекрасный мир» из культурных традиций останутся лишь особенности национального фольклора или кухни. Наверное, поэтому наши азербайджанские этики исследуют вопросы этики и морали эпохи глобализации и модернизации, исследуют особенности различных моделей, ориентацию на синтез национальной морали и технологий и т.д. Особо анализируются противоречия в этом процессе.

То, что происходит, губительно для культур Запада и Востока. Нередко ритмы современной жизни вредят восточной культуре созерцания, они враждебны накопленному там в течение тысячелетий духовному опыту и сложившемуся под его влиянием укладам жизни. И поэтому наряду с нивелирующими личность и общество тенденциями развития индустриального и постиндустриального общества нарастают деструктивные процессы, растут насилие и страх за

будущее во всех культурах. Недаром, многие боятся третьей мировой войны, есть и другие страхи.

Принято считать, что незападный мир принимает западную технологию, те или иные экономические институты, некоторые внешние атрибуты, но не моральные ценности и поведенческие модели. Однако, синтез «японского духа» с западными технологиями по формуле «японский дух – западная техника» привел к «японскому чуду». Мы видим, что меняются японцы, что становятся более раскованными, более свободными. В этом вопросе был прав аятолла Хомейни, который заявил корреспонденту газеты «Коррьере дела сера» Ориане Фаллачи: «Вещи – это хорошая сторона Запада... Мы не боимся ни вашей науки, ни вашей техники. Мы страшимся ваших идей и ваших обычаев. Политически и социально это значит, что мы опасаемся вас... Отныне мы будем выступать против тех, кто провоцирует нас справа и слева, здесь и там» [12].

Технологии, экономические институты, разного рода внешние атрибуты, лежащие на поверхности, можно заимствовать, не подвергаясь риску потери идентичности. Что касается социокультурного и духовного достояния различных народов, то в этом аспекте невозможно создать некое единое человечество, основанное на уничтожении или нивелировке всех и вся под один ранжир. Более того, как верно отметил К. Ясперс, «обязательный для всех единый мировой порядок (в отличие от мировой империи) возможен именно в том случае, если многочисленные верования останутся свободными в своей исторической коммуникации, не составляя единого объективного общезначимого содержания верь» [11, с. 238]. Важно согласиться с тем, что различия, уникальность не всегда означают отсталость. Каждый народ имеет свои ценности, привычки, мораль и не обязательно их следует заимствовать. Но эти ценности, духовность должны располагать к признанию ценностей других народов, диалогу культур. В этом смысле, по-видимому, был прав Н. С. Трубецкой, который писал: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо» [9, с. 33].

Достоинству человека в наибольшей степени отвечает стремление и умение найти меру между ответственностью и свободой, но вот насколько общество способно оценить его выбор. Возникает новое противоречие эпохи глобализации: коллективность оказывается дробной, а индивидуальность выбирает не между коллективом и индивидом, а между принадлежностью к различным коллективам.

Можно ли утверждать, что сегодняшнее противостояние цивилизаций сводится к борьбе различных пониманий свободы и несвободы. На наш взгляд, речь идет о том, что представители различных культур не хотят понимать свободу иного. Ранее считалось, что не принимается свобода как ценность. Но дело не в свободе, а в том, что свобода тоже может быть использована для манипулирования людьми. Свобода как нравственное понятие и ценность может трактоваться двояко:

свобода «для» и свобода «от». В первом случае человек стремится развивать себя, свой внутренний мир, а во втором, стремится источник отсутствия свободы искать во внешнем. Люди объединяются для борьбы с духовными оковами. Неслучайно Ортега-и-Гассет такое общество и состояние называет «восстанием масс». В массовой культуре преобладают настроения, представления, а не ценности для развития человека и социума. Такая масскультура выполняет много важных функций в обществе. Она осуществляет стандартизацию духовности человека, в которой совершенно игнорируется, вымывается ценностная неповторимость человека; идет процесс придания всем элементам культурной системы абсолютной схожести. Этот процесс оказывается экономически выгодным, но за него приходится платить нравственным нигилизмом. Он поощряет сужение интеллектуального, нравственного, этического и эстетического содержания в человеке. Получается, что надо бороться с этой угрозой лишения внутреннего богатства, иначе человек перестает быть нравственным. Надо признать, что рыночные реформы на постсоветском пространстве привели к развитию потребительской культуры и стереотипов потребительской морали. Теперь становится понятным, что необходимо задействовать идеологические усилия с тем, чтобы не допустить господства этих стереотипов. Об этом пишет азербайджанский философ академик Р.Мехтиев: «Наша страна твердо стоит на приверженности демократическому курсу и развитию, и, несмотря на сложности и перипетии, мы устремлены довести страну до необходимого уровня развития, чтобы обеспечить три основных фактора развития азербайджанского социума – национальное единство и политический суверенитет, экономическое благосостояние, целостность духовного единства и объединяющих нас моральных ценностей [6, с. 183].

Духовная ситуация современного мира может быть оценена как кризисная. Эта оценка относится и к западному и к восточному миру. Можно спорить о тех, кто в большей или меньшей степени несет ответственность за кризис. На самом деле все гораздо сложнее, так как духовный и культурный кризис чрезвычайно остро ставит вопрос о выживании человека, также о трансграничном человеке без гуманизма и т.д. Многие гуманисты-философы утверждают, что на Западе сильны тенденции, которые метят в самые основы человеческой морали, что они пропагандируют и распространяют вседозволенность. Многие считают, что демократия сменилась видимостью, на деле же речь идет о демократическом тоталитаризме. Действительно, в современном западном обществе явно прослеживаются такие тенденции. Можно утверждать о деградации базисных гуманистических ценностей Запада: демократический принцип искажается навязыванием обществу интересов тех или иных господствующих групп. Немало издано трудов, в которых раскрыты технологии подобного замещения.

Сегодня западная цивилизация вряд ли может мыслиться в качестве идеала для всего остального мира. Их решения вызывают серьезную критику со стороны российских, китайских и индийских мыслителей. И. Следзевский, к примеру, задает такой вопрос: «Что такое индивид в системе массовой культуры? Это

объект или субъект?» [8, с. 150]. Вопрос риторический, так как ответ ясен, поскольку манипуляции массовой культуры сознанием человека превращают его в объект с логическим сознанием. Конечно, это совсем не означает, что нет манипуляций в остальной части мира; не все однозначно и там. Дело в том, что мир начинает понимать, что он многообразен, что его единство не исключает противоречий, что среди противоречий нравственные – одни из болезненных. Также ясно, что универсальная нравственность невозможна без умения ограничить вседозволенность отдельных групп, обществ, вместе с тем они имеют право на отстаивание интересов, представлений и морали.

Итак, духовное неблагополучие и неопределенность будущего складываются, как неумение увидеть мир, как целостность многообразия, таковы контуры сегодняшнего мира. Конечно, говорить о худшем сценарии, ведущего к гибели общества, мир в целом пока не стоит. Речь идет о вероятности, трудно предсказать каким будет мир. И она будет возрастать, если мы не поймем значимость моральных оценок, кризиса ценностей.

Таким образом, человека следует рассматривать, как основание своего собственного развития, как субъекта, развитие которого определяется его выбором, что не исключает и деградации, саморазрушения. Он обладает уникальной способностью менять окружающий его мир, воспроизводя себя как субъекта. Его развитие, изменение связей приводит к усложнению общества. В основе ее лежит сочетание личностной и общественной культур. Диалог и есть механизм, позволяющий найти меру сочетания между индивидом и обществом, соединяющий нравственность и знание. Усложнение диалога обновляет культуру, формирует новых людей, новые отношения и нового человека-субъекта.

Надо нравственность оставить неизменной или отказаться от незыблемости морали. Нравственные изменения ущербны, ведут к деградации, необходимо найти пути как сохранить мораль в новых условиях.

Список использованных источников

1. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат, 1989. – 558 с.
2. Фромм Э. Человек для себя. – М.: Аст, 2006. – 349 с.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 351 с.
4. Мамедзаде И. Введение в этику. – Баку: Муаллим, 2004. – 156 с.
5. Мамедзаде И. Опыт интерпретации морали. – Баку: Муаллим, 2006. – 168 с.
6. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. – Баку: XXI əsr – yeni nəşrlər evi, 2004. – 584 с.
7. Ортега-и-Гассет, Хосе. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – 638 с.
8. Следзевский И. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. – 2011. – №2. – С.145–156.
9. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.
10. Элиас Н. О процессе цивилизации. – М.–СПб.: Универ. книга, 2001. – 382 с.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
12. Corriere della sera (газета). – 26.09.1979.

References

1. Frolov I. T. O cheloveke i gumanizme. – M.: Politizdat, 1989. – 558 s.
2. Fromm Je. Chelovek dlja sebja. – M.: Ast, 2006. – 349 s.

3. Mamardashvili M. K. Kak ja ponimaju filosofiju. – M.: Progress, 1990. – 351 s.
4. Mamedzade I. Vvedenie v jetiku. – Baku: Muallim, 2004. – 156 s.
5. Mamedzade I. Opyt interpretacii morali. – Baku: Muallim, 2006. – 168 s.
6. Mehtiev R. Azerbajdzhan: vyzovy globalizacii. – Baku: XXI asr – yeni nashrlar evi, 2004. – 584 s.
7. Ortega-i-Gasset, Jose. Degumanizacija iskusstva. – M.: Raduga, 1991. – 638 s.
8. Sledzevskij I. Dialog civilizacij kak smyslovoe pole mirovoj politiki // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2011. – №2. – S.145–156.
9. Trubeckoj N. S. Evropa i chelovechestvo // Global'nye problemy i obshhechelovecheskie cennosti. – M., 1990.
10. Jeliias N. O processe civilizacii. – M.–SPb.: Univer. kniga, 2001. – 382 s.
11. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – M.: Politizdat, 1991. – 527 s.
12. Corriere della sera (gazeta). – 26.09.1979.

Mammadzadeh F. A., *dissertant, scientific worker of the department «Ethics», Institute of Philosophy of ANAS (Azerbaijan), fakhriya.mamedzade@gmail.com*

Values, ethics in search of technology and people interaction

The author writes about the problems of ethics and how technologists change a person's values and morals. In addition, the work speaks of the moral crisis and the only way this is the dialogue of civilizations. A mechanism that combines dialogue, morality and knowledge, and enables us to find a measure of the combination of individual and society.

Keywords: ethics, values, technology, human, civilization dialogue.

Mamedzade Ф. А., *дисертант, науковий співробітник відділу «Етики», Інститут Філософії НАНА (Азербайджан), fakhriya.mamedzade@gmail.com*

Етика в пошуках взаємодії цінностей, технології і людини

Автор розглядає проблеми етики і як технології змінюють цінності і моральні якості людини. Також в роботі йдеться про моральну кризу і в єдиному виході з цієї ситуації – діалозі цивілізацій. Діалог є механізм, що дозволяє визначити міру поєднання між індивідом і суспільством, що з'єднує моральність і знання.

Ключові слова: етика, цінності, технології, людина, діалог цивілізацій.

* * *

УДК 1(091):111

Синиця А. С.,
кандидат філософських наук,
докторант, Львівський національний
університет ім. Івана Франка (Україна, Львів),
andriy.synitsya@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВИ МЕТАФІЗИЧНОГО ТЕОРЕТИЗУВАННЯ ЗАСОБАМИ АНАЛІТИЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ

Проаналізовано еволюцію поглядів представників аналітичної філософії на метафізику. В аналітико-філософській площині її витлумачено як своєрідне обґрунтування необхідності вивчення загальних понять, через призму яких можна наблизитися до розуміння глибинних і незмінюваних структур реальності, відображеної у вираженому в мові мисленні. З'ясовано, що в аналітичній філософії немає однозначного ставлення до метафізики. З одного боку, її критикують у ранніх аналітико-філософських концепціях (неореалізм, логічному позитивізм), а з другого – обґрунтовують у неопрагматизмі її окремих концепціях лінгвістичної філософії (як-от дескриптивній метафізиці П. Ф. Стросона). Констатовано, що метафізичне теоретизування, хоч і суттєво збагатило аналітичну традицію філософії, але у зв'язку з численними суперечливими один одному поглядами на речі поставило під сумнів однозначність аналітичної методології.

Ключові слова: метафізика, логічний позитивізм, лінгвістична філософія, неопрагматизм, аналітична філософія.

Історично склалося, що концепт метафізики визначав сутнісне значення філософії в різні історичні періоди.

Втім, однозначного розуміння того, що таке метафізика немає. Етимологія цього терміна чітко вказує на дещо поза межами фізичного світу (динамічно змінюваного у своїх проявах). Але що це може бути? Причини речей, буття як таке, щось незмінюване? А чому саме воно має бути незмінюваним і зрештою, чому саме воно має бути? За цих обставин зрозуміло, що метафізика часто ставала предметом філософських спекуляцій і об'єктом критики. Саме таку критику на початках запропонували в аналітичній філософії, яка стрімко стала провідним напрямом філософських досліджень в англословному світі. Але з часом метафізична проблематика стала чи не найбільш затребуваною для багатьох мислителів-аналітиків. Чому так сталося спробуємо з'ясувати далі.

Для того, щоб дослідження виявилось зваженим, доцільно компаративно розглянути «за» і «проти» метафізики в аналітичній філософії, зважаючи як на критичні зауваги щодо метафізики з боку Дж. Е. Мура [9], Б. Рассела [11], Л. Вітгенштайна [14; 15], Р. Карнапа [6], Дж. Остіна [3], так і на міркування її апологетів – П. Ф. Стросона [12] чи В. В. О. Куайна [10], а також на погляди дослідників сучасної аналітичної метафізики – Б. Страуда [13] і М. Дж. Лакса [7].

Насамперед треба зауважити, що становлення аналітичної філософії у неореалістських концепціях Дж. Е. Мура і Б. Рассела відбувалося значною мірою завдяки критиці провідної наприкінці XIX ст. у Британії традиції абсолютного ідеалізму (неогегельянства), з її відомими дослідженнями незмінюваних метафізичних передумов сповненої суперечностей реальності. Наприклад, один із прихильників цієї традиції Ф. Г. Бредлі – у своїй знаковій праці «Явище і реальність» (1893), в якій критика вбачала одну з найважливіших праць за минулі двадцять п'ять років, чітко визначав своє дослідження як метафізичне [5, с. XI]. Він гадав, що на підставі аналізу сприйняттів можна дійти до суперечностей, як це і робить наука. Але ці суперечності треба подолати, щоб зрозуміти, яким насправді є світ, природа пізнаваних якостей, простір і час, зміни, каузатії, речі, феномени, суб'єктивне тощо. Для Ф. Г. Бредлі очевидним було те, що основа реальності визначена світом метафізичних принципів. Висновки, які робить Ф. Г. Бредлі, є наслідком його спекулятивних міркувань, позбавленим достатньої емпіричної бази для обґрунтування. Їхня практична цінність з погляду здорового глузду – сумнівна. Протиставляючи філософію науці, Ф. Г. Бредлі висновки філософської рефлексії вважав істинними, а твердження науки – хибними. Таке протиставлення філософії і науки було дуже дискусійним, адже, попри суперечності, наука уже в XIX ст. демонструвала стрімкий поступ уперед, а філософія збивалася на манівці метафізичних дискусій і творення філософських систем, які суперечили одна одній, хоча й кожна з них претендувала на істинність.

Саме тому для Дж. Е. Мура було важливо продемонструвати, що обґрунтування метафізики уже є хибним у своїх основах. Він відштовхувався від того, що є можливість повного збігу чуттєвих даних і фізичних об'єктів. А як аргумент використовував т. зв. «доказ лівої руки», який формулював так: «Я показую дві мої руки і, роблячи певний жест правою, кажу: «Ось – одна рука», і додаю, роблячи певний жест лівою: «А ось – друга»... Але, чи довів я щойно існування двох людських рук? Я